

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертационной работе

РЕМОРОВОЙ ЕЛЕНЫ ЕФИМОВНЫ

«Лингвостилистические особенности перевода Четвероевангелия,
выполненного К.П. Победоносцевым»

(Новосибирск, 2017. 148 с. с приложением),

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

В диссертации Елены Ефимовны Реморовой исследуется труд известного общественного деятеля и обер-прокурора св. Синода Константина Петровича Победоносцева (1827-1907) по переводу Четвероевангелия на русский язык, предпринятый им в конце XIX-начале XX в. и впервые опубликованный в 1906 г. Диссертация состоит из введения, трех исследовательских глав и заключения (126 с.), списка источников и научной литературы (более 150 номеров), приложения (с.144-146).

Первая глава «Евангельский¹ перевод К.П. Победоносцева в историческом и культурно-языковом контексте эпохи» дает краткий обзор переводов Нового Завета на русский язык на протяжении XIX в. Речь идет о работах Российского библейского общества (РБО) 1823 года, епископа Никодима (Казанцева) 1840-х годов, В. А. Жуковского того же времени, переводе А. С. Хомякова двух посланий ап. Павла, Синодальном переводе 1860 гг., а также заметках и наблюдениях казанского проф. А. А. Некрасова и петербургского библеиста Н. Н. Глубоковского². Обращаясь к переводу Победоносцева, диссертант выявляет его теоретические установки, как они сформулированы в предисловии к изданию 1906 года. Речь идет исключительно о словоупотреблении и стремлении сохранить по возможности все особенности церковнославянского текста, как он представлен в

¹ Эпитет *евангельский* вызывает некоторое недоумение. Если бы речь шла о переводе Апостола, перевод был бы назван *апостольский*? Действительно, диссертация не касается перевода прочих частей Нового Завета, но только перевода четырех Евангелий, и это ограничение материала нуждается в объяснении.

² Е. И. Ванеева и Т. В. Ткачева (РБО, СПб-ое отделение) в конце 1990-х гг. подготовили этот труд Н. Н. Глубоковского к печати, но издание осуществлено не было и сегодня уже не планируется. Очень хорошо, что диссертант использует этот ценный источник в рукописи. Странно, однако, что в обзоре переводов и соответствующей литературы пропущена книга казанского миссионера и библеиста Н. И. Ильминского «Размышление о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковнославянского перевода Псалтыри и Евангелия» (Казань, 1882).

Елизаветинской библии 1751 г., включая его строевые элементы и лексические грецизмы.

Если в качестве теоретических оснований работы выдвигаются только эти вопросы, то перевода нет, есть только стилистическая редактура. При работе над переводом РБО была всерьез рассмотрена текстологическая теория немецкого библеиста И. Гризбаха (1745-1812), почему часть чтений перевода оказалась заключена в скобки. В 1881-82 гг. вышло критическое издание греческого новозаветного текста Хорта-Весткотта, которое стало базой для всей дальнейшей истории изучения этого произведения, оно не привлекло внимания в России, а со временем подверглось резкой и некомпетентной критике Н. Н. Глубоковского³. И хотя Победоносцев иногда обращался к греческому оригиналу, церковнославянский текст был для него самым авторитетным источником.

В связи с такой ситуацией внимание диссертанта обращается к структуре русского литературного языка конца XIX века, в результате появляется вывод о том, что позиция Победоносцева была объективно определена требованиями «церковного стиля» в рамках которого она выполнена. Разновидностями этого стиля являются «церковно-литургический», «церковно-проповеднический», «церковно-вероучительный», «церковно-богословский», «церковно-агиографический» и «церковно-художественный» подстили (резюме на с. 43 в виде таблицы). Объективное существование языковых стилей, на мой взгляд, спорадически проявляется в России в течение XVII-XVIII веков в эпоху перехода от средневекового письменного многоязычия к единому полифункциональному литературному языку национального периода, когда его языковой базой становится устная речь высшего класса общества. Говоря о структуре литературного языка национального периода, следует иметь в виду, что в эту эпоху онтологической первичностью обладает устная речь, а не письменный язык⁴. В эпоху национального литературного языка, от Карамзина и Пушкина до сего дня, нет и не может быть письменных языковых стилей, существует лишь индивидуально-авторская стилистика. Русские религиозные философы Вл. Соловьев, Евг. Трубецкой, Бердяев, о. Сергей Булгаков, Лосский – младшие современники Победоносцева – свободно пользовались русским

³ Глубоковский Н. Н. Греческий рукописный лекционарий из собрания проф. И. Е. Троицкого. СПб., 1897. Особо с. 225-234.

⁴ Мои соображения на эту тему изложены в издании, которое не раз цитируется в диссертации. См. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. Особо с. 78-80, 333-340, 348. 360-362.

языком без орнаментальных обращений к архаике. Да и сам Победоносцев, отдав должное церковнославянскому языку в Евангелиях, во второй половине Нового Завета забыл про выпранный слог и построил текст Апостола на других стилистических основаниях. Парадоксом истории русских библейских переводов является то, что на церковнославянскую версию Библии нередко переносилось то почитание, которого заслуживает (вероятно, заслуживает) лишь оригинал. Это можно было наблюдать сравнительно недавно, в 1990-е годы, когда у нас в стране возобновилась практика библейских переводов. Причина этого явления очевидна: долгие столетия употребления церковнославянского текста в богослужении православной церкви придали ему сакральность, какой обладает всякая принадлежность культа. Ведь и сегодня ни один русский перевод не удостоен чести быть принятым в богослужение.

В связи со сказанным нельзя согласиться с тем, что перевод Победоносцева может быть отнесен к литургическому типу (с. 13, 55). Переводчик ни коим образом не претендовал на то, чтобы заменить своей версией церковнославянскую версию, которая восходит к свв. Кириллу и Мефодию и до сих остается единственно одобренным литургическим текстом православного богослужения в России. Такого рода намерение было бы для него святотатством. Предложенное в диссертации определение типа перевода обусловлено трехчастным делением всех библейских переводов на три вида: литургический, научный и миссионерский, которое принадлежит А. С. Десницкому и является большим упрощением ситуации⁵. Но даже пользуясь этой классификацией, я бы считал, что перевод Победоносцева был миссионерский. Он хотел вернуть своих неразумных соотечественников в Церковь. В частности, с этой целью он издал «Пособие к благочестивому читателю при чтении Евангелия» (1907). Много полезных соображений высказывает по этому вопросу Е. И. Ванеева, автор предисловия к переизданию труда Победоносцева, осуществленного в 2000 г. в РБО (СПб). В целом, исключительно серьезный подход переводчиков XIX века к вопросам стилистики евангельского перевода при заметном равнодушии к вопросам семантике объясняется тем, что в консервативных условиях эпохи смысл новозаветного повествования извлекался не из греческого оригинала, а из учения Церкви.

⁵ Десницкий А. С. Современный библейский перевод. Теория и методология. М., 2015. С. 211 – 221. Ср. более сложную классификацию в статье: Алексеев А. А. Функциональные типы библейского перевода // *Studia petropolitana biblica*. СПб., 2015. С. 461-471.

Лингвистическим особенностям перевода Победоносцева посвящена вторая глава диссертации «Языковые особенности евангельского перевода К.П. Победоносцева» (с. 60-103). Сплошной выборке подверглись (443 стиха) из Четвероевангелия (Мф 3, 5, 25, 27; Мк 3, 16; Лк 5, 12; Ин 6, 10).

Устанавливается 183 лексемы церковнославянского текста Евангелий, сохраненные Победоносцевым и опущенные Синодальным переводом; большинство из них характеризуется высокой частотностью употребления. Для стилистической оценки этой лексики используется Словарь Ушакова с его жесткими стилистическими нормами, в которых отразились языковые навыки младших современников переводчика. Лексемы эти поделены на группы по стилистическим основаниям: книжное, устаревшее, риторическое, старинное и т. п. В целом эта лексика определена как славянизмы перевода. Однако часть славянизмов известна также Синодальному переводу, но различие двух текстов заключается в частотности употребления тождественных единиц. В некоторых случаях разница весьма заметна (*ведать, возопить, глава, глагол, повергнуть, и се, сей*). Отмечается, что некоторые славянизмы Победоносцева не фиксируются современными словарями (*лентион, алавастр, игемон, пенязь*). Некоторые из славянизмов получают более подробную характеристику; наконец приведен список славянизмов 16-ти глав Матфея, которые присутствуют в церковнославянском тексте, но чужды переводу Победоносцева (*аще, дивий, дондеже, зане, зело, идеже, излиха, точию, уне* и др., с. 78). Следует обратить внимание на то, что частью эти слова используются как строевые элементы приказного слога. Равным образом, по сходным причинам Победоносцев избегает слов *который, это*. Кроме того, рассмотрены морфологические и фонетические элементы текста, в которых также проявляется церковнославянская стихия, имеющая в целом своим источником текст Елизаветинской Библии. Все перечисленное нетрудно заметить при простом чтении текста, но в данном случае подтверждено весьма скрупулезными наблюдениями и точными подсчетами. Выводы главы касаются исключительно сравнения церковнославянского текста и перевода Победоносцева, а результаты этого сравнения наводят на мысль, что Победоносцев не переводил греческий оригинал, а лишь осуществлял такую стилистическую редактуру, которая сделала бы евангельский литургический текст, звучащий в православном богослужении, достаточно понятным и приемлемым носителем современного русского литературного языка. Содержание греческого оригинала само по себе переводчика не интересовало, он вполне доверял той интерпретации, какая представлена древней церковнославянской традицией. Именно в этом

заключена главная историческая ошибка перевода Победоносцева, равно как и всех других архаизаторов эпохи. Между тем в XIX веке было произведено немало талантливых переводов св. Писания на русский язык. Это прежде всего перевод РБО (1823) и все переводы Павского, переводы Хомякова Посланий ап. Павла, анонимный перевод Песни песней, некоторые в высшей степени интересные переводы для евреев.

В третьей главе предпринят необходимый опыт сравнения перевода Победоносцева с другими его трудами и некоторыми переводами эпохи. Характеристика двух других переводов, выполненных Победоносцевым, кажется слишком краткой. Его перевод с латыни *Imitatio Christi* (1869) выполнен тяжеловатым книжным слогом, но практически свободен от славянизмов, которые неизменно появляются лишь в цитатах из Писания. В диссертации замечено, что «основным стилеобразующим фактором в переводе являются именно церковнославянские элементы» (с. 107), однако нескольких подтверждающих примеров этого, мне кажется, недостаточно, чтобы считать вопрос решенным. Перевод с чешского «Приключений Вратислава» (с. 108) мне представляется литературным шедевром нашего автора. Победоносцев дал образец того слога XVII века, каким пользовался Посольский приказ и авторы повестей и хождений, нет и намека на русский XIX век или церковные сочинения. Краткое рассмотрение оригинальных сочинений Победоносцева заканчивается выводом, с которым нельзя не согласиться, что их автор «был писателем, владеющим богатым и разнообразным языком, умело использующим стилистические ресурсы в зависимости от содержания текста» (с. 112). Сравнение перевода Жуковского (Новый Завет, 1844-45) с переводом Евангелия Победоносцева (с. 114-120) обнаруживает крайнее сходство между ними, которое, на мой взгляд, основано на консервативном опасении обоих переводчиков подвергать анализу сакральный текст и твердом правиле скрываться от ответственности через подражание ему. Замечу также, что *яко* и другие подобные строевые элементы (с. 114) могут рассматриваться как канцеляризмы, тогда как утверждение, что слово *клик* (Мф 25.6) отсутствует в словарях (с. 115) является недоразумением. Жуковский мог просто цитировать пушкинское «К мечам, -- раздался клик и вихрем понеслись» (1815), однако именно *раздался клик* читается в перевод РБО (1823). От этого перевода Жуковский, вне всяких сомнений, зависит.

Наконец, отмечены некоторые размышления петербургского библеиста Н. Н. Глубоковского над переводом Победоносцева и реакция на них самого переводчика (с. 121-123)

В приложении дан перечень славянизмов перевода. Не ясно, в объеме всего текста четырех Евангелий или выбранных 443 стихов.

Общая оценка диссертационного исследования положительная. Его научная новизна и актуальность не вызывают сомнения. В теоретическом плане вызывает интерес постановка вопросов стилистики русского языка XIX-начала XX века и попытки определения места, какое в эту эпоху заняли библейские переводы. Перевод Евангелий, выполненный Победоносцевым, получил в работе обстоятельную научную характеристику. Выявлено его место в истории русского литературного языка национального периода и в истории переводов св. Писания на русский язык. Показано также место этого перевода в богатом и разнообразном творчестве Победоносцева. Метод сплошной выборки, примененный в ходе стилистического анализа, показал свою надежность. В методологическом плане работа предлагает определенный образец и может быть успешно продолжена.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что диссертация Елены Ефимовны Реморовой «Лингвостилистические особенности перевода Четвероевангелия, выполненного К.П. Победоносцевым» отвечает требованиям, предъявляемым в пп. 9-11 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК России, а автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык.

Доктор филологических наук, профессор;
заведующий кафедрой библеистики
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

31 октября 2018

Анатолий Алексеевич Алексеев

199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская набережная, д. 9/11;
тел. +7 812 363 66 53;
e-mail: a.alexeev@spbu.ru.

Личную подпись заверяю
Документ подготовлен по личной
инициативе

31 OCT 2018

ТЕКСТ ДОКУМЕНТА РАССИЛЕН В ЭЛЕКТРОННОМ
ДОСТУПЕ НА САЙТЕ СПБГУ
HTTP://SPBU.RU/SCIENCE

НАЧАЛЬНИК
КАДРОВ
М.С. ЗУВ

